

НОРМАТИВНАЯ ЭТИКА

О.П. Зубец

Попытка нацистского судьи Моргена: мораль в механике Аушвица

Зубец Ольга Прокофьевна – кандидат философских наук, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: olgazubets@mail.ru

Статья посвящена анализу включенности морали в механику Аушвица, свидетельство которой – моральная биография нацистского судьи Конрада Моргена. Морген известен как «фанатик права», борец с коррупцией и «недопустимыми» убийствами в лагерях смерти. Для него, как и для правовой системы нацизма в целом, важен принцип единства морали и права при приоритете морали. В качестве основы нацистской морали автор выделяет разведение личности (воли) и поступка, причем поступок вторичен, произведен и даже случаен в отношении личности поступающего, обладающей добродетелями, мотивами и намерениями до и вне поступка. Сам поступок оказывается несамодостаточным, следствием, оцениваемым в зависимости от обстоятельств, мотивов, личности поступающего, или вообще выводится за пределы морали, что и делает ее ценностным основанием Аушвица (предельного убийства). Нацистская мораль сочетает идею убийства как морального императива в борьбе со злом с осуждением убийства, совершаемого не из долга, а из разнообразных корыстных соображений, а также садизма, сексуального влечения; она отличает убийство, гуманное в отношении и жертвы, и убийцы, от жестокого убийства; она сочетает моральную чувствительность нациста с выведением за пределы его восприятия массового уничтожения людей или понимание происходящего как ужаса со спокойной добродетельностью повседневной жизни. Мораль предоставляет идеи борьбы со злом ради блага другого или человечества как основания для убийства и блокирования отвержения Аушвица. Попытка Моргена быть моральным и социальным одновременно стала формой соучастия в Аушвице, воплощением того, как моральные идеи, нормы, различение добра и зла, ориентация на благо ближнего при опоре на рассудительность и на реалии социума формируют нацистскую мораль, сохраняющую все признаки морали, не опирающейся на абсолютный отказ от убийства.

Ключевые слова: мораль, этика, Аушвиц, нацистская мораль, Конрад Морген, право, убийство, добро и зло, поступок

Жизнь отдельного человека, его искания, переживания, речь и действия, если мы говорим о морали, не только не уступают в полноте и значимости свидетельствам о жизни сообществ и социума, общества, но являются более непосредственным и адекватным источником для морально-философского размышления. Ведь обычная смесь идеологии, укорененных представлений, штампов, знаний, впечатлений, аргументов и т.п. самым непосредственным образом соотносятся в этой индивидуальной жизни с совершаемыми поступками: они соотносятся, конечно, не как причина и следствие, даже ни в коем случае не так, но очерчивают как бы два пласта, два мира: слов и действий, мыслей и действий. История судьи Моргена – это история порядочного (считавшегося многими порядочным) человека, чьими усилиями организуется и существует общество, достигшее предельной представленности в Аушвице, причем таким образом, что именно мораль, ее идеалы, нормы, логика и язык оказываются важнейшим основанием последнего, важной частью его механики. Это история человека, опиравшегося на мораль и на рациональность, того, кто хочет быть моральным и одновременно рассудительным.

Георг Конрад Морген достаточно известен, в первую очередь своими попытками привлечь офицеров СС к юридической ответственности за коррупцию, жестокость, пьянство, несанкционированные убийства и т.п. Он выступал на Нюрнбергских процессах свидетелем защиты и сам был оправдан в ходе денацификации. Он называл себя фанатиком права, но в не меньшей степени он был фанатиком морали, хотя бы в силу того, что в понимании нацистов мораль не только связана с правом, но и превалирует над ним.

О Моргене написана книга «Конрад Морген: совесть нацистского судьи»¹, ценная в первую очередь большим количеством источников из первых рук. Авторы называют ее моральной биографией, исследованием того, как моральное сознание одного человека справилось или не справилось с безнравственным миром. Для них – это история о том, как обычно работает моральное сознание и как оно не может работать в экстремальной ситуации. Но, на мой взгляд, случай Моргена иллюстрирует, скорее, как мораль вписана в то, что они называют экстремальной ситуацией, а мы назовем Аушвицем, как она соучаствует в нем, составляя важнейшую часть его механики. Она не только не отказывается «работать», даже не остается в стороне, но пронизывает все сферы деятельности и является предметом особой озабоченности, основанием мотивации и оценки поступков. Более того, именно моральная дихотомия добра и зла пронизывает нацистскую идеологию и придает ей моральный смысл как способу борьбы со злом во благо своего народа и мира. Именно моральная аргументация нередко выступает самооправданием даже тех, кто непосредственно осуществляет убийство (например, ради облегчения страдания жертвы). Иными словами, Аушвиц совершается не аморальными или внеморальными, а моральными существами, если понимать под ними тех, кто ориентирует себя по оси добра и зла, оснащен всеми привычными моральными понятиями и аргументами, считает должным бороться со злом, предпочитать долг склонности, исходить в оценках и решениях из представлений о справедливости,

---

¹ Velleman J.D., Pauer-Studer H. Konrad Morgen: The Conscience of a Nazi Judge. L., 2015.

достоинстве, добродетелях. Послушание приказу, на которое ссылались подсудимые нацисты и их защита, понималось как внутренне мотивированное, как именно моральный акт. Например, запрет сексуальных отношений с евреями или поляками находил опору в самоуважении, апеллировал к нему. Единство морали и права, а также примат последней постулируется многими нацистскими деятелями. Роланд Фрайслер, госсекретарь Министерства юстиции и затем президент Народного суда, писал: «Не может быть разрыва между правовым и моральным императивом, потому что императивы права являются императивами порядочности (*Anständigkeit*), а то, что является порядочным, решает сознание народа и индивидуального представителя этого народа»².

В одной восхваляющей Моргена статье его жизнь оценивается словами Григория Сковороды «Мир ловил меня, но не поймал», но мир не просто поймал судью: Морген вполне полно и точно выразил собой основные черты того, что Питер Хаас определяет как нацистскую мораль³. Морген демонстрирует то, что не позволяет лишить нацистскую мораль статуса морали и что в то же время лежит в основе Аушвица, составляет некую ценностную, духовную и интеллектуальную основу нацистского общества и практики, ее инструментальное обеспечение и санкционирование.

Авторы книги «Конрад Морген: совесть нацистского судьи» отмечают, что Морген объединял в себе рвение служителя права с добродетелями офицера СС, в первую очередь – моральным мужеством борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти (именно его усилиями к смертной казни были приговорены два руководителя концлагерей, в том числе известный Кох). Ни у кого, кто пишет о Моргене, не возникает сомнения в его высоких моральных добродетелях – остается лишь принять эту точку зрения: речь идет о добродетельном человеке. Сам образ офицера СС был своего рода персонифицированным набором моральных добродетелей, среди которых центральными считались достоинство, самоуважение, честь. Внутри СС человек «имел не только право, но и обязанность протестовать против покушения на свою честь и самоуважение со стороны вышестоящих»⁴. Для Моргена этот образ был явным ориентиром в принятии правовых решений, именно его он защищал в своей правовой практике.

Судья в нацистской системе права в первую очередь является тем, кто выражает моральную позицию народа и опирается на моральное суждение – моральная оценка судьи превалирует над правом, задает степень его применения: он достаточно автономен в решении о том, подсудно ли то или иное действие⁵. И это решение зависит от моральной оценки личности человека, который совершил действие. Это важнейший момент в понимании нацистской морали: в ее основе фундаментальный разрыв между поступком и поступающим, некая

² Velleman J.D., Pauer-Studer H. Konrad Morgen: The Conscience of a Nazi Judge. L., 2015. P. 27.

³ См.: Haas P.J. Morality after Auschwitz: The Radical Challenge of the Nazi Ethic. Philadelphia, 1988.

⁴ Weingartner J.J. Law and Justice in the Nazi SS: The Case of Konrad Morgen // Central European History. 1983. Vol. 16. № 3. P. 281.

⁵ См.: Velleman J.D., Pauer-Studer H. Konrad Morgen. P. 28.

пространственно-временная и содержательная пустота, которая может быть заполнена самым разным образом. В целом, поступок является как-бы случайным проявлением личности, вторичным по отношению к ней. Является ли действие противоправным, зависит от моральных качеств совершившего его, а моральные качества выражаются в первую очередь в характере мотивации, в намерении. Следствия этого таковы: во-первых, убийство, совершаемое из благих намерений и одобряемых мотивов, может быть санкционировано моралью, так как само оно вторично для нее; само убийство может быть совершено по-разному с точки зрения морали, то есть из разных подвергаемых моральной оценке мотивов (например, из корыстных соображений, садистских наклонностей или в силу долга (признаваемого моральным) и блага (вплоть до блага убиваемого)); разными с точки зрения моральной оценки людьми (то есть как хорошими, так и плохими – что не зависит от совершения данного убийства); оно может совершаться разными с точки зрения морали средствами – то есть жестоко или, наоборот, с желанием минимизировать страдания и жертвы, и самого убийцы). Во-вторых, убийство может быть выведено за скобки, стать невидимым для человека, отсутствовать в той картине мира, которую он воспроизводит и воспринимает в качестве морального существа. В-третьих, разрыв между поступающим и поступком может быть заполнен самым разным содержанием (нормами, ценностями, рациональностью, знанием и т.п.), которое задается социумом и подвержено изменению. Опыт Моргена иллюстрирует все эти следствия: он и сам мыслит себя, в первую очередь, как морального, добродетельного человека. И окружающие – как его коллеги и современники, так и пишущие о нем через десятилетия – тоже считают его таковым, и сама мораль не дает оснований для сомнения в этом, в образе Моргена она смотрит сама на себя.

В нацистской морали и праве личность отделена от поступка и превалирует над ним. Норберт Пол, начальник Моргена, ставит личность выше буквы закона: «личность обвиняемого, не прежде всего и не главным образом в ее правовом статусе, определяет заключение правосудия»⁶. Морген использует и понятие Эдмунда Мецгера «жизне-поведенческой вины» (*Lebensführungsschuld*), ориентирующее на характер личности, проявляющийся во всей ее жизни: так что наказание и вина связаны не только с определенным преступлением, проступком, но и с самой личностью преступника⁷. Эта идея о личности с присущей ей характером, склонностями, психологическими особенностями и моральными добродетелями или пороками, но главным образом исходно, как воли – причем в отдельности и относительной независимости от поступка – занимает господствующее положение в праве в первую очередь в силу его подчиненности морали и апелляции к ней. Можно предположить, что это разделение лежит в основе нацистской морали, но оно же главенствует во многих философско-этических построениях. Данное разделение можно развернуть и иным образом: смысл поступка, его моральное содержание определяется не только и не столько его данностью, совершённостью, актуальной

⁶ Velleman J.D., Pauer-Studer H. Konrad Morgen. P. 29.

⁷ Ibid. P. 28–29.

действительностью, сколько мотивом, доброй или злой волей, намерением совершающего его, а это значит – тем содержанием, которое предшествует поступку и ведет к нему. Именно на это сориентировано нацистское право и на этом построена нацистская мораль. Именно в силу этого разделения убийство само по себе «не видимо» моралью, ценностно нейтрально, но может быть санкционированным или не санкционированным в зависимости от личности убивающего и характера его воли. Именно в силу этого судья Морген (как и многие другие нацисты) столь морально чувствителен к различным преступлениям нацистов и к их моральным достижениям, порокам и добродетелям, при том что эта чувствительность абсолютно слепа к тому, что все, что его беспокоит, происходит в связи и рядом с убийством тысяч людей. В этом заключается то, что Мартин Брозат, автор предисловия к автобиографии Хёсса, называет «конфузными парадоксами», но что было бы точнее понимать как немыслимость и абсурд.

Безусловно важно, что нацистская мораль, являясь основой дифференцированной, «качественной» оценки убийства, именно в силу этого санкционирует убийство как таковое. Она, таким образом, отказывает ему в абсолютном моральном отвержении, делает морально нейтральным – т.е. эмпирическим фактом, допускающим разные оценки. Если для морали принципиально различны убийство ради блага другого и убийство из корысти, садизма и т.п., если для нее противоположны убийство невинного и преступника, если характер мотива убийцы играет для нее определяющую роль, то это и означает, что она санкционирует насилие и в этом качестве есть важнейший элемент механики Аушвица. Моральная «качественность», дифференцированность убийства и его полное выведение из области морально видимого совпадают по существу. Как только мораль полагает себя выше события убийства и замыкает его на себя, она обеспечивает его вписанность в человеческую жизнь.

Столкновение Моргена со способом осуществления «окончательного решения», осознание морально ориентированным гражданином факта массового убийства, совершаемого его сообществом и обществом, довольно долго откладывалось именно в силу избирательности зрения. Так, приехав в Краков 41-го года, Морген замечает и отмечает две вещи: бедность местного населения и невероятную коррупцию в среде нацистов. В это же время в Кракове есть гетто и уже уничтожено множество евреев, но это остается невидимым или никак не обозначенным в записях Моргена. И в лагере смерти он ищет и видит своего врага – коррупционера, оценивая его в первую очередь с моральной точки зрения: «Его внутренняя организация презрительна, в высшей степени своекорыстна, беспринципна, холодна, расчетлива, лишена связей с людьми или моральными идеалами. Он лишен глубины, внутреннего конфликта и основательной устойчивости»⁸.

Совершающий убийство нацистский офицер должен быть наказан, но не за акт убийства, а лишь в том случае, если он совершает его, разлагая и дискредитируя моральный облик офицера СС: преступление заслуживает

⁸ Velleman J.D., Pauer-Studer H. Konrad Morgen. P. 30.

наказания именно ради сохранения добродетельности личности, из заботы о нравственном состоянии немцев. Морген осуждает и преследует не убийство, а сексуальные или садистские мотивы убийцы, особую жестокость его совершения, убийство по склонности, а не по долгу, из корысти или сокрытия своих прегрешений. В этом он очевидно верен морали. Убийство в нацистской морали как действие несет в себе внутреннее напряжение: с одной стороны, это не просто морально санкционированное, но морально требуемое действие: «У нас есть моральное право, у нас есть обязанность перед нашим народом уничтожить этот народ, который хотел уничтожить нас» – говорит Гиммлер⁹. Но это тяжелый долг, исполнение которого наносит моральную травму (трудно оставаться достойным [anständig geblieben zu sein] перед горой трупов – по выражению Гиммлера). Кроме того, морально разрушителен лагерь смерти как таковой, разлагающий и полный соблазнов: «Но у нас нет права обогащаться мехом, часами, маркой или сигаретой, или чем-то еще»¹⁰. То есть обязанность убить врага (воплощение зла) отягощается необходимостью справиться с моральным ущербом, который несет в себе насилие.

«Фанатик справедливости» (как сам себя называл Морген), не только защищает ее в борьбе с коррупцией и «неправильными убийствами», но и находит, «обнаруживает» ее: то есть не только осуждает недопустимые мотивы и злую волю, но и обнаруживает и восхваляет нацеленность на благо ближнего и человечества. Так, о медицинских экспериментах на людях в Бухенвальде он пишет: «Люди, проводившие их, были специалистами, стремившимися изучить эпидемии ради блага народа, а в конечном итоге также в интересах самих заключенных»¹¹. Он осуществил коррекцию в порядке выбора заключенных для экспериментов, чтобы эксперименты не были использованы для уничтожения неугодных свидетелей коррупции и убийств, при этом исходя из того, что селекция, выбор жертв экспериментов сам по себе оправдан. Это называется «корректирующим действием»¹²: мораль не отменяет убийство, но корректирует способ его осуществления и задает его основания. Сам Морген в ходе расследования одного дела использовал группу русских заключенных для выявления состава отравляющего вещества – они умерли (он оправдывал себя словами – «не военнопленные» и «приговоренные»). Мораль проявляет себя не в том, что человек не убивает, но в том, что он морально обосновывает убийство, что он нуждается в таком оправдании и апеллирует к идее блага. Точно также лично совершавшие убийства на оккупированной территории СССР оправдывали их не только благом человечества и народа, но даже благом самих жертв (чтобы не страдали без матерей, от голода, «все равно умрут, но

⁹ *Himmler H.* Rede des Reichsführers SS bei der SS-Gruppenführertagung in Posen am 4. Oktober 1943. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0008_pos&object=translation&st=REDE%20DES%20REICHSF%C3%BCHRGRS%20SS&l=de (дата обращения: 14.09.2020).

¹⁰ Ibid.

¹¹ *Velleman J.D., Pauer-Studer H.* Konrad Morgen. P. 62.

¹² Ibid. P. 63.

в мучениях», и т.д.¹³). На этом фоне логика справедливой войны (собственной правоты и благодати цели) кажется лишь частью, хотя и очень значительной, обширного включения морали в «механику» Аушвица.

Еще одно соображение, ставшее основанием осуждения убийства, было сформулировано как подмена собой государства¹⁴: идея заключается в том, что индивид не имеет права решать вопрос о жизни другого, это решение делегируется государству (высшей личности – по мысли Муссолини). Именно по поручению и с санкции государства (или общества) добродетельный индивид, оставаясь добродетельным, лишает жизни человека, идет ли речь о войне, о смертной казни, о Холокосте или о научных экспериментах. При этом совершающий убийство из долга и по поручению социума все равно совершает его как индивидуальное ответственное действие, оставаясь моральным существом – именно в силу этого он оправдывает совершаемое дополнительным благом: не только человечества, но и самой жертвы. Но всем этим нацистское общество не отличается от любого другого, известного человеческой истории: мораль во всей этой истории санкционировала убийство, вписывая его в собственную логику, как средство борьбы со злом ради блага. Нацистская мораль, будучи вовлеченной в Аушвиц, лишь доводит эту способность, это, говоря языком Ницше, «тартюфство» морали до невыносимого и немислимого предельного масштаба и очевидности.

Морген считает себя обязанным изучить расстрел 40 тысяч человек под Люблином (так называемый «праздник урожая»): его интересует, как человек может справиться с этим (сохранить достоинство). Он называет произошедшее уродством, монструозностью: ужас происходящего не скрыт – и в этом нацист остается морально вменяемым существом, если для моральности достаточно способности к моральной оценке, к различению добра и зла (а в этом нацизм был исключительно активен). Так же и врач Аушвица Кремер называет его «Anus mundi», «ужас из ужасов», тут же восхищаясь хорошей погодой, едой и музыкой. Речь идет не о слепоте, не позволяющей ужаснуться происходящему, и не о несовершении (внутреннем запрете) ужасного, но о сохранении своей моральности при его совершении: в этом идея примата личности над поступком достигает апогея.

В своем отчете о «празднике урожая» Морген отмечает, что никто из жертв не подвергался плохому обращению, все проходило методично и в молчании. В качестве недостатка он отметил экономическую потерю рабочей силы, а также расхищение имущества убитых. Для Хёсса также было важно выражение покоя на лицах трупов – это свидетельствовало о правильном, «морально хорошем» способе уничтожения «врага».

Наступает момент, когда Морген сталкивается «с ужасом Аушвица» (это его собственные слова) напрямую и решает, по его показаниям, что-то предпринять. Здесь наступает своего рода кульминация мышления морально чувствительного нациста. Он рассматривает ряд вариантов: он не в силах привлечь

¹³ Много примеров таких оправданий приводится в книге *Леви Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста*. М., 2019.

¹⁴ *Velleman J.D., Pauer-Studer H. Konrad Morgen*. P. 65.

Гитлера к суду, он не сможет совершить покушение, т.к. охрана слишком недоолима, он может убежать в Швейцарию и придать гласности увиденное; но, во-первых, он не видел совершаемое собственными глазами, не смотрел в глазок газовой камеры, а догадался о происходящем (по количеству имущества и т.п.), и – главное, он подумал о немецком народе и своих близких, которые пострададут, если факты уничтожения миллионов станут известны миру и начнется невероятная анти-немецкая пропаганда. Он подумал об отце, о товарищах, о молодых идеалистах, вступивших в бой с большевизмом, о тех, кто умирал за свои идеалы. «Они тоже не заслуживали этого. И так я понял: не важно, как я сам выглядел в этой ситуации, но такое направление действий могло привести только к новому несчастью, и в силу этого я вернулся в Берлин»¹⁵. Отказавшись от действий против Аушвица, Морген ищет его виновников и находит их в том числе и в самих заключенных: думая о них с ненавистью и презрением, он ставит себя на их место и признает, что человеку как таковому присуще цепляться за соломинку, приспособливаться к фактам в стремлении выжить. Морген морально осуждает заключенных, готовых на все ради выживания (нацисты нередко именно на евреев возлагали ответственность за моральную тяжесть массового убийства); и в них же он находит тех, кому несет благо убивающий их медицинский эксперимент: именно в качестве виновных за происходящее и выигрывающих от него мыслит он жертв нацизма, включая их таким образом в сферу морали. В его глазах их извиняет лишь тяжесть обстоятельств, так же как она извиняет немецкий народ и все человечество, породивших Аушвиц.

Высшее право на жизнь втоптанно в грязь, это не сокрыто, но подлинной значимостью обладает то, что и все остальные права – на собственность, лояльность, т.п. – нарушаются: отсюда Морген делает для себя спасительный вывод – он будет бороться именно с теми преступлениями, для преследования которых существует закон. Совершение массового убийства разлагает человека («подрывает всю мораль и, как тысячеголовая гидра, порождает еще больше преступности»¹⁶), он начинает совершать и другие преступления, за которые Морген и будет его преследовать, если он не может привлечь его за сами убийства.

В докладах еще 1944 г. (а потом уже для американских следователей) он пишет о порожденном Аушвицем разложении и ожесточении, о том, что участвующие в убийстве газом не могут быть более ни нормальными солдатами, ни гражданами, и что руководство государства этими ужасными [ungehuerlich] преступлениями разрушает моральные основы государства. Но сам Морген лишь продолжает привлекать за преступления, не приказанные сверху, а само «окончательное решение» рассматривает как законное, как прямой приказ Гитлера и Гимmlера. Несмотря на моральный дискомфорт, он остается в пределах права, остается в рамках социума. Он пытается оправдаться тем, что преследование «незаконных убийств» вело бы к привлечению и за массовые убийства. Он пытается привлечь Эйхмана в связи с неправильным обращением с пакетом с бриллиантами, а Гесса за жестокое обращение с бывшей любовницей, но терпит правовую неудачу, а попытка быть одновременно

¹⁵ Velleman J.D., Pauer-Studer H. Konrad Morgen. P. 90.

¹⁶ Ibid.

моральным и рациональным, нормальным членом общества терпит крах: более того, именно своими морально вдохновленными шагами Морген вписывает нацистскую практику уничтожения в пространство человеческого, подобно тому, как запрет на жестокое или корыстное убийство позволяет санкционировать убийство как таковое или вывести его за поле морального видения и запрета.

Мораль задействована в Аушвице изнутри нацистского общества, будучи и нацистской, и моралью одновременно, и как раз изнутри она процветает в своей мощи, действенности, в избылии проявлений морального языка и чувствительности. И как раз во взгляде на Аушвиц извне мораль обнажает свою слабость, немеет, теряется. Как пишет Гилберт Харман, «звучит странно, сказать, что Гитлер не должен был отдавать приказ об уничтожении евреев, что неправильно с его стороны делать это. Это звучит слишком слабо»¹⁷. Более того, к уничтожению миллионов людей невозможно применить ни суждение о нарушении прав, ни моральное осуждение, даже заповедь «Не убий». У морали не оказывается сил и средств говорить об Аушвице и отвергать его (ведь в его основе та же идея борьбы со злом).

Некогда молодой Морген написал антивоенную книгу «Пропаганда войны и предотвращение войны» («Kriegspropaganda und Kriegsverhütung»), которую от разгромной критики защитил Гитлер, посчитав ее полезной для демонстрации миру мирных намерений рейха. И через много лет Морген, борющийся за чистоту морального облика, остается соучастником Аушвица.

Нацистская мораль, персонифицированная в Моргене, основана на разрыве поступающего и поступка, низведении поступка до следствия, выводимого из мотивации, дифференцированной моральной оценке убийства и в конечном итоге выведении его из поля морального видения. В стремлении отвергнуть нацистскую мораль, избегнуть ее, моральный философ может опереться лишь на идею тождества морального субъекта и поступка, идею принципиальной бессодержательности субъекта (в противоположность идеям личности, характера и т.п.), полноты и цельности поступка в его самодостаточности. Но основой такого отвержения может быть лишь *неопосредованный моралью* абсолютный отказ от убийства, не выводимый из идеи блага или какой-либо иной моральной идеи или оценки, отказ не на уровне заповеди или запрещающей нормы, но в качестве принятия и задания своей человеческой «не убивающей» природы. Только такое основание, не оставляющее места социальности и ставящее в центр мира субъекто-поступок, способно не позволить миру «поймать меня», если снова вернуться к словам Сковороды. Оно может быть понято как исходная точка морали, которую она в своем содержательно-социальном развертывании разрушает.

Список литературы

- Леву Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М.: АСТ: ОГИЗ, 2019. 336 с.
Haas P.J. Morality after Auschwitz: The Radical Challenge of the Nazi Ethic. Philadelphia: Fortress Press, 1988. ix+257 p.

¹⁷ Velleman J.D., Pauer-Studer H. Konrad Morgen. P. 123.

Himmler H. Rede des Reichsführers SS bei der SS-Gruppenführertagung in Posen am 4. Oktober 1943. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0008_pos&object=translation&st=REDE%20DES%20REICHSF%C3%BCHRGRS%20SS&l=de (дата обращения: 14.09.2020).

Velleman J.D., Pauer-Studer H. Konrad Morgen: The Conscience of a Nazi Judge. L.: Palgrave Macmillan, 2015. 192 p.

Weingartner J.J. Law and Justice in the Nazi SS: The Case of Konrad Morgen // Central European History. 1983. Vol. 16. № 3. P. 276–294.

Moral Endeavour of Nazi Judge Konrad Morgen (Morality in the Mechanics of Auschwitz)

Olga P. Zubets

RAS Institute of Philosophy. 12/1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: olgazubets@mail.ru

The article is devoted to the description and analysis of the involvement of morality in the mechanics of Auschwitz and is based on the moral biography of the Nazi judge Konrad Morgen. He is famous as “a fanatic for justice”, a fighter against corruption and “unpermitted killings” in the death camps. The principle of the unity of morality and law with the priority of morality was important for him and for the Nazi legal system in general. The kernel of the Nazi ethic is found in the separation of a person (will) and an act, what is more – an act is secondary, derived and even accidental to the acting person, having virtues, motives and intentions before and beyond an act. An act appears to be non-self-sufficient – a consequence, estimated according to the circumstances, motives, acting personality, or even excluded from the sphere of morality, which makes it the value basis of Auschwitz as an ultimate killing. Nazi ethic combines the idea of killing as a moral imperative in the struggle against evil with disapproval of killing committed not out of a sense of duty, but for various selfish reasons, profit motives, sadism or passion. It distinguishes between a killing, which is humane towards both the victim and the killer, and a cruel killing. It combines moral sensitivity of a Nazi with elimination of mass killing from it or calling what was taking place monstrous with calm virtuousness of every-day life. Morality suggests struggle against evil and the good of the neighbour or humanity as the reasons for killing and obstructing the disallowance of Auschwitz. Morgen’s attempt to be both moral and social became a form of collaboration with Auschwitz, personification of how moral ideas, norms, defining of good and evil, longing for the good of neighbour on the ground of prudence and realities of society form the Nazi ethic, which keeps all features of morality, such morality which is not based on the absolute rejection of killing.

Keywords: morality, ethics, Auschwitz, Nazi ethic, Konrad Morgen, law, killing, good and evil, act (action)

References

Haas, P.J. *Morality after Auschwitz: The Radical Challenge of the Nazi Ethic*. Philadelphia: Fortress Press, 1988. ix+257 pp.

Himmler, H. Rede des Reichsführers SS bei der SS-Gruppenführertagung in Posen am 4. Oktober 1943 [https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0008_pos&

object=translation&st=REDE%20DES%20REICHSF%C3%BCHRGRS%20SS&l=de, accessed on 14.09.2020].

Levi, G. *Prestupniki. Mir ubijc vremen Holokosta* [Perpetrators: The World of the Holocaust Killers]. Moscow: AST, OGIZ Publ., 2019. 336 pp. (In Russian)

Velleman, J.D., Pauer-Studer, H. *Konrad Morgen: The Conscience of a Nazi Judge*. L.: Palgrave Macmillan, 2015. 192 pp.

Weingartner, J.J. "Law and Justice in the Nazi SS: The Case of Konrad Morgen", *Central European History*, 1983, Vol. 16, No. 3, pp. 276–294.